

Заключение

В дальневосточной политике России 1890-х – 1904 гг. выделяется несколько периодов. Её активизация (начальный этап) оказалась связана с планами, а затем и с началом строительства Сибирской железной дороги. По времени это совпало с приходом в правительство С.Ю. Витте, сначала как министра путей сообщения, а затем – министра финансов (1892 г.). Молодой сановник, будучи дилетантом в международных отношениях, тем не менее, решил связать свою бюрократическую карьеру с программой грандиозных действий на Дальнем Востоке. Что именно и как следовало делать, министр на первых порах совершенно не понимал, но у него уже имелось представление, что регион должен служить росту экономического могущества империи: быстро развивающаяся промышленность России нашла бы на восточной окраине огромный рынок сбыта для своей продукции. С самого начала речь шла не об освоении российских территорий, а об экономической экспансии за пределы империи, пользуясь будущей Сибирской железной дорогой. Несмотря на фантастический размах и крайне слабую проработанность замыслов С.Ю. Витте, в Министерстве финансов верили в реальность его планов, были увлечены своим начальником, сравнивали его с Петром I, как минимум – с Н.Н. Муравьёвым-Амурским¹. Ни о каких территориальных приобретениях и захватах речь тогда не шла.

Определённость наступила в середине 1890-х гг. в связи с японо-китайской войной 1894–1895 гг. В начале 1895 г. Петербург, наконец, решил, как ему использовать конфликт соседей. Из двух точек зрения, представленных министром иностранных дел А.Б. Лобановым-Ростовским (союз с Японией) и С.Ю. Витте (дружба с Китаем) верх одержала последняя. В сущности, тогдашнюю программу министра финансов можно свести к следующим тезисам: установив дружеские отношения с Пекином, следовало широко развернуть в Поднебесной деятельность русского капитала (кажется, С.Ю. Витте ещё не понимал, что его роль сыграют не частные, а исключительно казённые средства), затем к этому присоединился план строительства по Маньчжурии русской железной дороги (КВЖД) и желание получить незамерзающий порт на Жёлтом море. Остальное, по замыслу министра финансов, должна была

---

¹ Коростовец И.Я. Россия на Дальнем Востоке (продолжение книги) // АВПРИ. Ф.340. Оп.839. Д.7. Л.8.

сделать торговля. С этого момента С.Ю. Витте стал главным руководителем политики Петербурга на Дальнем Востоке. Важнейшим его достижением явились союзный договор с Китаем и контракт на постройку КВЖД, заключённые в 1896 г. Несмотря на провозглашение С.Ю. Витте программы строго экономической экспансии, большинство чиновников полагало, что это лишь новое средство для территориальных присоединений, видя в перспективе реюущее российское знамя над Маньчжурией и Кореей. Высказывания о таком будущем нередки, их можно обнаружить у многих сановников. Но они не дают оснований к прямолинейному выводу об агрессивной политике России в регионе: реально для захвата или завоевания Маньчжурии и Кореи ничего не делалось, даже на уровне разработки программы или плана.

Однако единоличное господство С.Ю. Витте продолжалось недолго. Его конец наступил на рубеже 1897–1898 гг. Новый министр иностранных дел М.Н. Муравьёв проявлял больший интерес к дальневосточным делам. Первым его самостоятельным шагом стал ввод русских кораблей в бухты Порт-Артура и Даляньвана 4 декабря 1897 г. Несмотря на яростные протесты С.Ю. Витте, его точка зрения не была принята во внимание Николаем II. Помимо прочего, к концу 1897 г. в позиции министра финансов выявились слабости: Китай, оправившись от испуга после поражения в войне с Японией 1894–1895 гг., перестал уступать. Уговорить его либо воздействовать на Пекин экономическими рычагами, чтобы получить для России незамерзающий порт, не получалось. К тому же с конца 1897 г. С.Ю. Витте постепенно сокращал сферу своих экономических интересов в Поднебесной, ограничивая их преимущественно Северным Китаем. Поражение министра финансов в дискуссии вокруг Ляодунского полуострова означало потерю монополии на политику в регионе. С этого момента на неё оказывали существенное влияния, кроме С.Ю. Витте и М.Н. Муравьёва, ещё и новый с 1 января 1898 г. глава военного ведомства А.Н. Куропаткин, а также некоторые другие фигуры. Нельзя не признать: неудача будущего графа стала закономерным итогом его курса. За 1896–1897 гг., кроме договора о КВЖД, он не сумел добиться новых успехов в Китае, в частности – решить вопрос о незамерзающем порте. Экономическая же экспансия в Среднюю империю, несмотря на первоначальные прожекты, свелась к весьма умеренной деятельности основанного в 1895 г. Русско-Китайского банка.

Захват Порт-Артура также привёл к пересмотру корейской политики России. Ранее Петербург проявлял к королевству осторожный интерес, сменившийся в 1896–1897 гг. резкой активизацией в связи с возможностью приобрести незамерзающую гавань в королевстве. После заключения договора об аренде Ляодунского полуострова в марте 1898 г. о Корее решили забыть, постепенно уступив первенство на полуострове Японии. Логичный итог такого курса встретил возражения со стороны моряков, а также группы неофициаль-

ных, но влиятельных лиц – безобразовцев. Используя корейский вопрос в своих корыстных целях, они убедили самодержца, что от Кореи нельзя отказываться, наоборот, её следует присоединить к России. «Царская неофициальная политика», нацеленная на приобретение королевства, не только ослабила и без того пошатнувшиеся позиции министра финансов. Она также резко ускорила уже начавшийся опаснейший процесс дробления политики России в регионе, которая и до этого уже не отличалась необходимым для успеха единством и последовательностью. Наконец, «новый» курс обещал серьёзно поссорить Петербург с Токио.

Расстановка сил в дальневосточной политике России ещё раз изменилась во второй половине 1900 г. после того как восстание боксёров привело к масштабным боевым действиям в Северном Китае и оккупации русскими войсками Маньчжурии. Колоссальное влияние на дела получили военные и, прежде всего, А.Н. Куропаткин. Они придерживались совершенно иных представлений о том, как следовало действовать на сопредельных России территориях, полагаясь больше на силу штыков, чем рубля, и выступая за насильственное присоединение части Маньчжурии к России. Несмотря на все усилия С.Ю. Витте, его влияние постепенно, но постоянно уменьшалось. В немалой степени этому способствовали неудачные переговоры с Пекином о сепаратном соглашении, призванном закрепить экономические преимущества России в Северном Китае. Непрерывные уступки китайской стороне, и, в конце концов, категорический отказ руководства Поднебесной принять русские условия нанесли сильный удар по прежней политике С.Ю. Витте, основанной на планах экономического доминирования. При стеснённых денежных возможностях и международной конкуренции все усилия министра финансов завершились приобретением 10–15 концессий (их точное число сложно определить, так как в ряде случаев полученные права были оспорены в суде), из которых лишь 2–3 имели сколько-нибудь важное значение. Стало ясно, что такие действия не имеют шансов на успех, их результаты разительно отличаются от мечтаний середины 1890-х гг., которыми С.Ю. Витте «кланялся» молодому монарху Николаю II. Б.А. Романов отметил, что уже в 1901 – начале 1902 гг. самодержец стал испытывать сомнения относительно политики министра финансов и дальнейших действий России на Дальнем Востоке. Царь был полон решимости укреплять позиции Петербурга в регионе и не собирался уступать Корею японцам².

Одним из ключевых моментов в российской дальневосточной политике рубежа веков стала дискуссия конца 1902 г. о её дальнейшем направлении. К тому времени уже все отчётливо понимали, что предыдущие решения и

² Романов Б.А. Россия в Маньчжурии (1892–1906). Очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма. Л., 1928. С.361–362.

намётки, сделанные С.Ю. Витте, не годятся. Экономическая экспансия сошла на нет. Кроме того, резко обострились отношения с Китаем из-за Маньчжурии и с Японией из-за Кореи. Пребывание русских войск в Северном Китае вызывало всё более усиливавшиеся протесты великих держав, прежде всего, США и Англии. Позиции Петербурга в регионе постоянно ухудшались. Дальневосточная политика России попала в тупик, следовало решить, что делать дальше.

Согласно представлениям посланника в Токио Р.Р. Розена, прежний курс С.Ю. Витте на Дальнем Востоке, нацеленный на приобретение Маньчжурии, неизбежно вёл к антирусскому союзу между Японией и Китаем при поддержке Англии (чего, кстати, не произошло)³. Вместо соответствующих выводов дипломат воспроизвёл точку зрения министра финансов весны 1895 г.: главный враг России – Япония, а Корея, как и Маньчжурия, со временем «неоспоримо» должны отойти России⁴. Но тогда это сопровождалось «союзом» с Китаем. В 1902 г. барон утверждал, что никакие экономические меры не могли привести к обладанию Маньчжурией, забрать её можно было только силой⁵. Из этого логично вытекали меры по усилению армии и флота России на Дальнем Востоке, а также отказ даже от «бумажной» дружбы с Китаем⁶. Получалась – война России против всех. Нельзя сказать, что посланник совсем не понимал опасности ситуации, но разрешение её казалось Р.Р. Розену лёгким делом: будто достаточно было прощупать возможность договориться с Англией, что уже разрушит альянс Лондона и Токио.

Посланник в Сеуле А.И. Павлов предложил более простое и умеренное решение: заключить соглашение с Японией о Корее и с Китаем – о Маньчжурии, которое бы защитило русские интересы там⁷. Общим рассуждениям барона, нередко носивших отвлечённый и даже фантастический характер, посланник в Сеуле противопоставил набор понятных действий, призванных разрядить напряжение на Дальнем Востоке.

Подход министра финансов отличался внутренним противоречием. С одной стороны, он опасался военного конфликта на Дальнем Востоке, поэтому полагал необходимым уступить, в частности – Японии в Корею. Но с другой, С.Ю. Витте возлагал неоправданные надежды на то, что договорённость с Токио может изменить его внешнеполитический ориентир («Япония

³ Записка Р.Р. Розена о политике России на Дальнем Востоке с пометами С.Ю. Витте 12 сентября 1902 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.59. Л.61.

⁴ Там же. Л.55.

⁵ Там же. Л.62.

⁶ Там же. Л.67.

⁷ Записка А.И. Павлова, посвящённая опровержению записки Р.Р. Розена 25 сентября 1902 г. // Там же. Л.47–54.

давно ищет сближения с нами»). Однако он также признавал, что у Страны восходящего солнца имелись интересы и в Маньчжурии – что исключало возможность дружбы с Россией⁸. Сановник понимал неисполнимость обещаний середины 1890-х гг., поэтому вынужденно маневрировал: отступая, убеждал всех в том, что он вовсе не отказывается от своих прежних замыслов. Поэтому фактический отказ от активной политики сопровождался у министра финансов неубедительными рассуждениями о том, что присоединение Маньчжурии возможно лишь через 25–50 лет, и что события идут быстрее, чем он ожидал⁹. Вдобавок, возражая себе же (и Р.Р. Розену), С.Ю. Витте резонно заметил, что ни Лондон, ни Токио не согласятся с хозяйничаньем России в Маньчжурии¹⁰.

Свои взгляды сановник изложил в ответной записке на сочинения двух дипломатов¹¹. Вступив в открытую полемику с Р.Р. Розеном, министр финансов солидаризовался с А.И. Павловым, желая соглашения с Японией (но не на условиях Токио) и вывода русских войск из Северного Китая. В отличие от осторожного А.И. Павлова министр финансов был более конкретен, допустив даже «некоторое участие» японцев «в делах внутреннего управления Кореи, не исключая финансовой и военной частей». Вместе с тем, он так же неубедительно, как и в случае с Маньчжурией, утверждал, что уступки не должны лишить Россию «возможности окончательно решить в будущем судьбу Кореи в согласии с нашими государственными интересами»¹².

Признание краха предыдущей политики состоялось в конце 1902 г. на совещании в Ялте в присутствии Николая II, когда, по мнению министра финансов, оказалось, что России не следует проявлять активности на Дальнем Востоке. Нетрудно представить себе разочарование императора и быстрый взлёт оппонентов С.Ю. Витте, в первую очередь – безобразовцев. Они и Е.И. Алексеев заняли максимально агрессивную позицию. Суть её можно выразить одной фразой: не уступать ничего ни в Маньчжурии, ни в Корее (по крайней мере, в северной её половине).

Первая половина 1903 г. прошла под знаком ожесточённой борьбы между сторонниками «бескомпромиссной линии» и поддержавшего их В.К. Плеве с «триумвиратом» С.Ю. Витте – В.Н. Ламздорф – А.Н. Куропаткин. Поражение «триумвирата» произошло в мае 1903 г., а черта под предыдущей политикой была окончательно подведена 16 августа 1903 г. увольнением С.Ю. Витте. Тем не менее, кризисные явления в действиях России на дальневосточной

⁸ Пометы С.Ю. Витте на записке Р.Р. Розена 12 сентября 1902 г. // Там же. Л.56–57.

⁹ Там же. Л.62, 74.

¹⁰ Там же. Л.68.

¹¹ Записка С.Ю. Витте 28 декабря 1902 г. (копия) // ОПИ ГИМ. Ф.444. Оп.1. Д.101. Л.26–65.

¹² Записка С.Ю. Витте 28 декабря 1902 г. (копия) // ОПИ ГИМ. Ф.444. Оп.1. Д.101. Л.65.

украине только усилились. Их апогеем стало даже не отсутствие последовательного курса, а разрушение прежнего, централизованного механизма руководства ею благодаря созданию наместничества. Действия Петербурга в регионе с этого момента диктовались в основном противостоянием МИДа и наместника, они перестали учитывать в должной мере международный фактор, прежде всего, реакцию великих держав на поведение России. Весь этот тяжкий груз лёг на начавшиеся летом 1903 г. переговоры с Японией о судьбе Кореи. В них и проявилась принципиальная неспособность Петербурга придерживаться определённой и взвешенной точки зрения, а также достигнуть обоснованного, продиктованного национальными интересами компромисса. Итогом стала неожиданная для российского руководства война, начавшаяся в весьма неблагоприятных стартовых политических условиях для России.

В чём причины того, что Россия оказалась неспособной проводить эффективную политику на дальневосточной окраине?

Следует признать, что с самого начала задача экономического захвата большей части Китая, поставленная главным архитектором русской дальневосточной политики С.Ю. Витте, выглядела нереально. Рассуждения о том, что быстро растущей российской индустрии вскоре понадобятся крупные внешние рынки, при ближайшем рассмотрении оказались не более чем необоснованными мечтаниями. Кроме того, отсутствие значительного интереса к российским товарам в Поднебесной (это убедительно показали донесения консулов в середине 1890-х гг., специально посвящённые состоянию торговли в подведомственных им районах империи) требовала колоссальных вложений, чтобы изменить ситуацию. Однако вместо того, чтобы увеличивать расходы, уже в конце 1897 г. С.Ю. Витте заговорил о том, что России не выдержать большие затраты на Дальний Восток: по его данным, из 130 млн. подданных Николая II лишь 40 млн. имели достаточно средств к существованию, а 90 млн. были нищими¹³. Эти рассуждения повторились и в 1899, и в 1900 гг. И далее министр финансов соглашался выделять деньги в основном на то, что было непосредственно связано со строительством КВЖД, а затем с освоением Порт-Артура и Дальнего. Расходы на другие цели, например, на приобретение концессий в Маньчжурии, оказались крайне невелики. За несколько миллионов рублей нельзя было «купить» экономическое преобладание в Поднебесной, а договорной рычаг – закрепить за собой коммерческие привилегии с помощью специальных соглашений – не сработал, да и не мог принести успеха, так как необходимых средств давления на Пекин у Петербурга просто не имелось.

---

¹³ Дневник А.Н. Куропаткина (копия). Запись 25 декабря 1897 г. // РГВИА. Ф.165. Оп.1. Д.1871. Л.12.

Политику России на Дальнем Востоке нельзя назвать комплексной. Несмотря на масштабные цели, на явную нехватку средств, Петербург не пользовался всеми имевшимися у него возможностями. Крайне невнятно выглядело идеологическое обоснование активной политики на Дальнем Востоке. Да, существовала многочисленная публицистика, но она совершенно по-разному относилась к Востоку, начиная с «жёлтой опасности» (В.С. Соловьёв) до воспевания будущего России исключительно на окраине (С.Н. Сыромятников, Э.Э. Ухтомский и др.). Несмотря на то, что взглядам князя придавалось официальное значение (его брошюру «На Восток» Морское министерство разслало в дар кают-компаниям судов, офицерским библиотекам, она также презентовалась кадетам Морского корпуса)¹⁴, читатель вряд ли мог однозначно уяснить себе, зачем России нужен этот богатый, таинственный и пугающий Восток. Даже пропаганда, развернувшаяся с началом русско-японской войны, не принесла должного эффекта. Показателен пример, приведённый писателем В.В. Вересаевым. «Нынче утром, – рассказывает своим товарищам по полку один из офицеров (Рубцов), – солдаты говорят мне: “Ваше благородие! Вот в Вестнике Маньчжурской армии пишут, что тут за веру воюем, за царя и отечество. Как это так? Ведь веры нашей никто не трогает, царя не обижает. А отечество – китайское”. Все засмеялись, только Рубцов враждебно насторожился. Батальонный спросил: – Что же вы?

– Ну что! Стал им что-то про Тихий океан объяснять, да сам спутался»¹⁵.
Думается, комментарии тут излишни.

Российская власть пренебрегала и другими идеологическими ресурсами. Например, возможностями православной церкви. Не секрет, что многие европейские страны активно использовали миссионеров для успешного продвижения на Восток, которые шли вместе с товарами и капиталом. Денег на это не жалели: так, из общей суммы американских капиталовложений в Китай к 1900 г. в 24,7 млн. долларов 5 млн. составляло имущество христианских миссий¹⁶. Россия же совершенно не использовала имевшиеся у неё возможности. Давно существовавшая духовная миссия в Пекине была весьма скромной по размеру, любые попытки увеличить её численность и финансирование наталкивались на сопротивление министра финансов и проходили с трудом. Даже незначительные просьбы оставались втуне. К примеру, глава 17-ой духовной миссии архимандрит Амфилохий в связи с понижением курса серебра в Китае

¹⁴ Ф.К. Авелан – Э.Э. Ухтомскому 29 июля 1899 г. // ОР ИРЛИ. Ф.314. Оп.1. №9. Л.1.

¹⁵ Цит. по: Ремнёв А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков. Омск, 2004. С.355–356.

¹⁶ Фурсенко А.А. Борьба за раздел Китая и американская доктрина открытых дверей 1895–1900. М.:Л., 1956. С.63.

из-за войны с Японией 18 февраля 1895 г. просил выдать содержание миссии (примерно 20 тыс. руб.) золотом. 14 августа 1895 г. он также ходатайствовал об увеличении штата миссии и, соответственно, её содержания до 24 тыс. руб. Но в том и другом случае Амфилохий получил отказ от С.Ю. Витте. Попытки убедить министра финансов в том, что проблема действительно существовала, привели лишь к тому, что вопрос пустили обычным законодательным порядком через Государственный совет. Это означало, что его решение состоится в лучшем случае год спустя. Раз министр финансов поставил своей целью завоевание азиатских рынков для России, то поддержка церкви была бы ему как нельзя более кстати. Но нет, лишь в конце 1896 г. уже другой глава духовной миссии в Пекине добился незначительного повышения финансирования – на 2,6 тыс. руб. При этом даже к концу 1898 г. вся миссия состояла лишь из пяти человек: начальник, два иеромонаха, священник и дьякон – и это во время, когда деятельность С.Ю. Витте в Китае находилась в апогее активности¹⁷.

Однако есть и другая сторона вопроса – пассивность православной церкви и её иерархов в вопросах миссионерства. Лишь в конце 1896 г. пекинскую духовную миссию возглавил Иннокентий (И.А. Фигуровский) – весьма энергичный руководитель, планировавший резко расширить проповедь православной веры в Китае¹⁸. Иннокентий прибыл в Китай в марте 1897 г. Казалось бы, наконец, у православной миссии появился инициативный начальник, и власть могла бы воспользоваться этим. Но нет: Синод в 1901 г. даже обсуждал вопрос о полном упразднении пекинской духовной миссии, и лишь благодаря энергичным протестам Иннокентия этого удалось избежать. Сам настоятель был в 1902 г. хиротонисан в епископа Переяславского и вернулся в Китай в августе 1902 г. Пусть и не в такт российской политике, со значительным опозданием,

---

¹⁷ Краткая история русской православной миссии в Китае. Пекин, 1916. С.178, 184, 187–188.

¹⁸ Иннокентий (И.А. Фигуровский) (1863–1931) – сын священника, до назначения в Китай успел окончить Духовную академию, побывать ректором Санкт-Петербургской духовной семинарии и настоятелем Покровского миссионерского монастыря. По пути в Китай Иннокентий посетил ряд европейских стран, где ознакомился с состоянием миссионерского дела – поступок крайне нетипичный для православного священника. В Китае он развернул на редкость активную деятельность, особенно по обращению китайцев в православие и коммерческую деятельность подворий пекинской духовной миссии, которых к 1917 г. было уже пять (Москва, Санкт-Петербург, Харбин, Дальний, станция Маньчжурия). И это несмотря на отсутствие помощи, а иногда и прямое противодействие ему со стороны МИД и Министерства финансов, противившихся усилению роли пекинской духовной миссии (Иванов П.М. Православные миссионерские станы в Китае в начале XX в. // История российской духовной миссии в Китае. Сборник статей. М., 1997. С.253–280; Ипатова А.С. Российская духовная миссия в Китае: век двадцатый // Там же. С.281–317).

его впервые сопровождали три десятка монахов, епископ ехал с немалыми средствами, полученными им, вероятно, из частных пожертвований, для развёртывания активной миссионерской деятельности. Тем не менее, у российских представителей в Поднебесной это вызвало лишь тревогу. Д.Д. Покотилов полагал, что отсутствие у России интереса к миссионерской деятельности являлось её большим преимуществом (!) перед остальными державами, поэтому заявил Иннокентию, что усилия миссии следовало бы сосредоточить на удовлетворении духовных потребностей проживающих в Китае русских, а не на обращение китайцев в православие¹⁹.

Вопреки данному ему совету, Иннокентий не только начал активно действовать преимущественно в китайской среде, но и направил усилия миссии в основном на юг Поднебесной. Д.Д. Покотилов решил, что это может привести лишь к «печальным результатам»: подозрительные иностранцы начнут уличать Петербург в скрытых замыслах²⁰. Аналогичное отношение к деятельности духовной миссии выражали и российские дипломаты в Китае. Иннокентий же, невзирая ни на что, гнул свою линию, жалуясь на невнимание к нему российских властей: «Открытие 10 миссионерских станом в различных провинциях Китая обошлось бы правительству не более 30 т[ыс.] руб., почти столько же, сколько стоит одно генеральное консульство в Шанхае, а между тем правительство могло бы знать из первоисточников о состоянии всей китайской империи»²¹. Нельзя не признать обоснованность суждений епископа.

Иначе развивалась история с духовной миссией в Корее, но результат получился схожий. Инициатива её учреждения принадлежала дипломату Н.А. Шуйскому, который выступил с ней ещё в 1889 г. С помощью православной миссии он предполагал приобрести в Корее духовное влияние, «составляющее фундамент, на котором строится влияние политическое»²². Однако, несмотря на поддержку тогдашнего посланника в Пекине А.П. Кассини, идея не получила воплощения. Лишь в 1897 г. к ней обратился С.Ю. Витте, по-видимому, в связи с начавшейся активностью России в Корее. Наконец-то политики выступили с инициативой создания православной миссии и использования её для укрепления российского влияния. Однако Синод раскачивался два года, когда он, наконец, учредил отдельную православную миссию в Корее (1900 г.), было уже поздно: С.Ю. Витте взял курс на сворачивание

¹⁹ Д.Д. Покотилов – С.Ю. Витте 19 августа 1902 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.4. Л.144–145.

²⁰ Д.Д. Покотилов – С.Ю. Витте 4 января 1903 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.5. Л.5.

²¹ Епископ Иннокентий – Ф.Р. Остен-Сакену 21 декабря 1903 г. // РГАДА. Ф.1385. Оп.1. Д.1509. Л.2.

²² Цит. по: Феодосий (Перевалов), архимандрит. Российская духовная миссия в Корее за первое 25-летие её существования (1900–1925 гг.). Харбин, 1926. С.2.

активности Петербурга в королевстве. Кроме того, будущее показало, что её деятельность миссии оказалась малоэффективной из-за сильной конкуренции с католическими и иными европейскими и американскими миссиями (протестанты), действовавшими в Корее уже не одно десятилетие, и значительными вложениями в них²³.

Разобщённость ведомств проявлялась не только во взаимодействии между ними, но даже и внутри них, и наиболее ярко, как ни удивительно, – в политике Министерства иностранных дел. Прежде всего, оно не получало всегда точных указаний от самодержца. Несомненно, сильное влияние на решения Николая II по дальневосточным делам оказывали его общие установки, в частности, нелюбовь к японцам и англичанам. А.Н. Куропаткин свидетельствовал: «У государя кроме слов “обезьяны” нет другого названия японцам. <...> К англичанам, сколько я мог заметить, государь относится также враждебно, и в его уме возможность разрыва с ними упрочивается в[есьма] настойчиво»²⁴. Эти представления самодержца не носили рационального характера, а отражали психологические особенности его личности. Конечно, нельзя делать из этого прямые выводы, но такие эмоциональные ощущения накладывали заметный негативный отпечаток на внешнеполитический курс. К примеру, в Лондоне, где в последние годы XIX века полагали, что русские ведут себя отвратительно, тем не менее, искали возможностей договориться с Петербургом, а не вести дело к разрыву.

Очевидно также, что Николай II не только не понимал вполне детали дальневосточной политики, он даже не был в курсе многих действий и намерений своих подчинённых. Так, царь считал, что России не следует двигаться далее линии Пекин–Тяньцзинь в то время, когда министр финансов требовал сферы свободной конкуренции и в центральной части Поднебесной. Вопреки заявлениям С.Ю. Витте, император не возражал против русификации Монголии и Маньчжурии с помощью крестьянской колонизации – но это была совсем другая политика, имевшая мало общего с экономической экспансией и требовавшая, кстати, колоссальных средств²⁵.

Не лучше дело обстояло и с ролью министров. А.Б. Лобанов-Ростовский вообще не вникал в дальневосточные дела, молчаливо согласившись с тем,

²³ Волохова А. Из истории российской политики на Дальнем Востоке: МИД, Министерство финансов и учреждение российской духовной миссии в Корее // Проблемы Дальнего Востока. 1998. №4. С.112–122.

²⁴ Дневник А.Н. Куропаткина (копия). Запись 22 сентября 1899 г. // РГВИА. Ф.165. Оп.1. Д.4768. Л.22 об. – 23.

²⁵ Пометы Николая II на рапорте командующего войсками Приамурского военного округа военному министру П.С. Ванновскому, приложенному к записке «Военная готовность Приамурского военного округа к концу 1897 г.» // РГИА. Ф.1093. Оп.1. Д.372. Л.216 об. – 217.

что они фактически перешли в ведение С.Ю. Витте. Его преемник М.Н. Муравьев установил свои порядки. Он оказался более внимателен к проблемам восточной окраины, но зато изменил ход дел в ведомстве. Сановник обращал мало внимания на детали, оставив за собой лишь общее руководство, а большую часть текущей работы переложил на В.Н. Ламздорфа. Более осведомлённый товарищ министра, несмотря на то, что являлся сведущим дипломатом, не знал жизни, не имел воли, чтобы настоять на собственной точке зрения, на переговорах мог выказать чрезвычайную, болезненную обидчивость. И в дальнейшем В.Н. Ламздорф, став уже главой ведомства, неважно ориентировался в дальневосточной политике и не стремился овладеть ею, негласно отдав многие вопросы на усмотрение С.Ю. Витте. Составление докладов по проблемам региона граф перепоручил Н.Г. Гартвигу, сам же он часто даже не знал их содержания²⁶. На рубеже веков также состоялась смена руководящих кадров в ведомстве: место многоопытных Ф.Р. Остен-Сакена, Д.А. Капниста, М.Н. Никонова и др. заняли, как правило, малосведущие чиновники. Осведомлённый сотрудник МИД К.А. Губастов приводит пример А.К. Базили, который заместил Д.А. Капниста в должности директора Азиатского департамента. Он имел репутацию канцелярского педанта, замкнутого и необщительного человека, панически боявшегося ответственности²⁷.

Не удивительно, что российские дипломаты, служившие на Дальнем Востоке, с презрением относились к своему столичному начальству, не без основания упрекая его в некомпетентности и недостаточном внимании к региону. Они справедливо полагали, что служба на восточной окраине требовала от чиновников специфических умений и знаний, не тех, что в Европе. Например, К.И. Вебер считал, что для успешной деятельности на Дальнем Востоке дипломат должен хорошо знать Китай (язык, географию, литературу, историю, нравы, обычаи, государственное устройство), обязательно владеть английским языком (для изучения коммерции), обладать обширными сведениями в области истории международных отношений (трактаты, конвенции, торговые правила и т.п.). Он также предлагал по-иному, чем это было принято, строить отношения посланника и его подчинённых: главе миссии, который, кстати, мог и не знать Китая досконально, следовало больше доверять своим подчинённым, лучше осведомлённым в делах Востока²⁸. Показательно уже то, что посланник вообще составил такой текст: в начале XX века на дипломатиче-

²⁶ Коростовец И.Я. Россия на Дальнем Востоке (продолжение книги) // АВПРИ. Ф.340. Оп.839. Д.9. Л.67.

²⁷ Губастов К.А. Мемуары. IX Азиатский департамент 1895–1897 // ОР ИРЛИ. Ф.212. Оп.1. №18. Л.147 об. – 149.

²⁸ Вебер К.И. [Каким должен быть русский дипломат на Востоке?] // РГАДА. Ф.1385. Оп.1. Д.487. Л.1–3.

ском экзамене для приёма на службу в ведомство главное внимание уделялось красоте почерка. Коммерческие знания необходимыми для будущих дипломатов не считались²⁹.

Негативное отношение к действиям своего руководства проявлялось в поведении российских представителей. Так, в Корее К.И. Вебер, А.Н. Шпейер и Е.Ф. Штейн с середины 1890-х гг. фактически вели дело к присоединению королевства или, по крайней мере, к установлению протектората над ним, несмотря на крайне осторожную позицию министерства. Нередко они, на свой страх и риск, действовали вообще без инструкций Петербурга, а иногда и вопреки им. Заметная независимость дальневосточных дипломатов проступила и в 1901 г., когда они установили неформальные отношения с главным начальником Квантунской области Е.И. Алексеевым. Дипломаты делились с ним не только информацией, но и оценками и соображениями о российской политике, которые далеко не всегда совпадали с распоряжениями, получаемыми из Петербурга. Весной 1901 г. И.Я. Коростовец, дипломатический чиновник при Е.И. Алексееве, побывал в гостях у посланника в Японии А.П. Извольского и услышал от него, что тот являлся противником российского колониализма на Дальнем Востоке. По мнению дипломата, Россия не располагала пригодным для «колониционных прыжков» административным аппаратом, не имела такой культуры, чтобы претендовать на преобразование Китая. А.П. Извольский открыто смеялся над планами превратить Дальний в центр торговли региона: по его мнению, нельзя было искусственно направлять поток товаров по чьему бы то ни было желанию. Вместо этого следовало бы всеми силами стремиться к успокоению Китая и Японии и к укреплению уже занятых позиций. Несмотря на то, что обо всём этом посланник сообщал в Петербург, его мнению там не придавали большого значения. К тому же содержание его депеш расходилось с донесениями военного агента полковника Б.П. Ванновского, полагавшего, что дела обстоят в целом как нельзя лучше³⁰.

Своё мнение о надлежащих действиях России имели и местные власти на Дальнем Востоке. Вопреки рассуждениям С.Ю. Витте о мирной, экономической экспансии и строительстве железной дороги через Маньчжурию без всяких аннексий, приамурский генерал-губернатор С.М. Духовской уже в 1898 г. прямо писал, что значение КВЖД осуществимо «во всей полноте только тогда, когда мы будем в Маньчжурии сильны как у себя дома»³¹. То

²⁹ Гейкинг А.А. Четверть века на российской консульской службе 1892–1917. Berlin, 1921. С.34, 40–41.

³⁰ Коростовец И.Я. Россия на Дальнем Востоке (продолжение книги) // АВПРИ. Ф.340. Оп.839. Д.9. Л.12–16.

³¹ Всеподданнейший отчёт приамурского генерал-губернатора генерал-лейтенанта С.М. Духовского. 1896–1897 годы. СПб., 1898. С.18.

есть, неизбежность присоединения Северного Китая к России в ближайшие годы казалась ещё до восстания ихэтуаней 1900 г. очевидной. У этой медали имелась и другая сторона. Похоже, такие намерения российских властей не были секретом и для Пекина. Ли Хунчжан открыто говорил русским, что они строят КВЖД для присоединения Маньчжурии, а он предвидел обратное – «дорога лишь облегчит прилив и переселение китайцев в Сибирь»³². Отчасти его предсказания оправдались: Маньчжурия надолго стала причиной головной боли Петербурга.

Путь к русско-японской войне – это не злая воля или ошибочные действия одного или нескольких человек. С.Ю. Витте обвинял во всём безобразовцев, они взваливали большую часть вины на министра финансов. Б.А. Романов в этом вопросе фактически присоединился к ним, добавив новые аргументы против сановника. Если искать «крайних», то надо разделить ответственность по «участкам». С.Ю. Витте был прав, когда образно обрисовал картину кризиса дальневосточной политики ещё до начала войны А.Н. Куропаткину: «Представьте себе, что я повёл своих гостей в “Аквариум”, а они, напившись пьяны, попали в публичный дом и наделали там скандалы. Неужели я виноват в этом? Я хотел ограничиться “Аквариумом”. Далее тянули другие»³³. Этой известной аллегорией министр финансов довольно точно обрисовал ситуацию, сложившуюся перед русско-японской войной. Но сановник не ответил на вопрос: идя в «Аквариум», неужели он не подозревал, что его гости пойдут дальше? Тогда почему он вообще повёл их туда?

С.Ю. Витте безраздельно господствовал в дальневосточной политике лишь в 1895 – конце 1897 гг. Далее можно говорить, что его влияние на дела в регионе было хотя и преобладающим, но идущим по нисходящей линии. С 1898 г. он постепенно утрачивал влияние и изменял прежний курс, особенно – в 1900–1902 гг. В конце 1902 г. министр финансов выразил готовность отказаться от большинства своих амбициозных мечтаний и заявлений, ограничившись борьбой за экономическое влияние в Маньчжурии и избегая силовых методов. Нет никаких оснований предполагать, что такая политика привела бы к войне. Разумеется, она стоила много денег, но большинство из них вложили не напрасно (строительство Сибирской железной дороги и КВЖД). Но Петербург и, прежде всего, сам Николай II оказались категорически не готовы отступить. Любые уступки казались им катастрофой, потерей влияния, по большей части уже мифического. Эта позиция и вызвала к жизни безобразовскую группу с её радикальными рецептами. Ответствен-

³² Коростовец И.Я. Россия на Дальнем Востоке (продолжение книги) // АВПРИ. Ф.340. Оп.839. Д.7. Л.42.

³³ Дневник А.Н. Куропаткина. Запись 3 декабря 1903 г. // Красный архив. 1922. №2. С.91.

ность за развязывание войны с Японией ложится именно на них, а также на близкого им по взглядам Е.И. Алексеева. Воинствующая некомпетентность привела к катастрофе – иного трудно было ожидать. Но весь процесс – это есть, с моей точки зрения, институциональный кризис самодержавной власти, когда она оказалась не в состоянии сформулировать действительные интересы империи в регионе и предложить средства их реализации. Вместо этого в дальневосточной политике воцарились безответственность и хаос вкупе с агрессивной позицией. В общем, война явилась закономерным итогом такой ситуации.

Повторюсь: сегодня, анализируя политику России, представляется, что вооружённая схватка между Россией и Японией не являлась неизбежной. Стремление Страны восходящего солнца превратить Корею в свою колонию не затрагивало жизненных интересов Петербурга, а С.Ю. Витте, по сути, не интересовался королевством, за исключением небольшого периода во второй половине 1896–1897 гг. Конфликта длительных и глубинных интересов двух стран в регионе не существовало. Даже после 1900 г. в Токио смотрели на Маньчжурию не столько как на сферу жизненных интересов, сколько как на средство для борьбы за вожделенную Корею. О ситуации в целом весьма выразительно написал много позднее, в феврале 1914 г., в своей известной записке П.Н. Дурново: «В сущности, Россия и Япония созданы для того, чтобы жить в мире и согласии, так как делить им решительно нечего. Все задачи России на Дальнем Востоке, правильно понятые, вполне совместимы с интересами Японии. Эти задачи, в сущности, сводятся к очень скромным пределам. Слишком широкий размах фантазии зарвавшихся исполнителей, не имевшей под собою почву, действительных государственных интересов – с одной стороны, чрезмерная нервность и впечатлительность Японии, ошибочно принявшей эти фантазии за последовательно проводимый план – с другой, вызвали столкновение, которое более искусная дипломатия, несомненно, сумела бы избежать»³⁴. То есть, война оказалась следствием ошибок политиков (разумеется, не только со стороны России).

Причины русско-японской войны – не в том, что безобразовцы вообще появились и развязали конфликт, а в том, что они **смогли** появиться. Не следует поддаваться соблазну и списывать провал на непрофессиональные действия группы безответственных людей. Дальневосточная политика России – это не столько международные дела, сколько отражение внутренних проблем, накопившихся к началу XX века. В целом русско-японская война показала, что власть не справлялась со стоящими перед ней задачами. Однако неудача дальневосточной политики в целом ещё не приговор политическому строю. Российский абсолютизм накладывал жёсткие рамки на воз-

³⁴ Записка П.Н. Дурново. Февраль 1914 г. // ОР ИРЛИ. Ф.134. Оп.4. №283. Л.2.

возможности в политике – им просто надо было следовать. История заключения Портсмутского мира показала, что если власть не раздирают противоречия и задача, стоящая перед ней, посильна, то она способна добиться успеха. Поэтому мирный договор стал, прежде всего, победой российской власти над самой собой. Тем не менее, совмещение статуса великой, мировой державы и самодержавного строя в начале XX века оказалось невозможным.